

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ПУШКИНСКАЯ КОМИССИЯ

**ВРЕМЕННОК
ПУШКИНСКОЙ
КОМИССИИ**

Выпуск 33

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Санкт-Петербург
2019

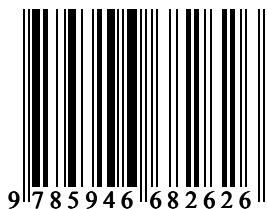
УДК 821.161.0
ББК 83.3 (2Рос=Рус) 1
В81

Издание основано в 1962 году

Редакционная коллегия:
А. Ю. Балакин (*ответственный редактор*),
М. Н. Виролайнен, Е. Е. Дмитриева

Рецензенты:
А. В. Дубровский, С. И. Панов

ISBN 978-5-94668-262-6

© Авторы статей, 2019
© Пушкинская комиссия РАН, 2019

ПОДЛИННИК ИЛИ ФАКСИМИЛЕ?
Post scriptum к статье М. Л. Гофмана
«Новый автограф Пушкина. Евгений Онегин»

«Пушкинский год обрадовал нас неожиданной новинкой: перед самым закрытием парижской выставки “Пушкин и его эпоха” С. М. Лифарем было получено известие, что в Выборге, у госпожи О. Купрович, находится неизвестный до сих пор автограф Пушкина — двух строф шестой главы “Евгения Онегина”. Самый автограф пришел в Париж уже после закрытия выставки, и кроме двух человек его никто не видел», — так начинается небольшое исследование М. Л. Гофмана, которое ввиду сенсационности и важности открытия было напечатано дважды: сначала — отдельной, изящно изданной С. М. Лифарем книжечкой и вслед за ней — в специальном пушкинском номере журнала «Иллюстрированная Россия».¹ В обоих изданиях автограф — лист с записью двух строф шестой главы: «Друзья мои, Вам жаль поэта?..» и «Быть может, он для блага мира...» — был воспроизведен. «В данном случае, — продолжал Гофман, подчеркивая особую научную ценность находки, — значение нового автографа выходит далеко за пределы реликвии: помимо того, что он *устанавливает единственное верное чтение XXXVI строфы шестой главы такого значительнейшего произведения, как “Евгений Онегин”*; помимо того, что он дает несколько новых стихов-вариантов к XXXVI и XXXVII строфам шестой главы и говорит о творческих колебаниях Пушкина, о его творческом процессе, этот автограф расширяет наши весьма скудные знания о том, как создавалась шестая глава “Евгения Онегина”».²

Именной экземпляр брошюры, отпечатанной в мае 1937 г. тиражом 100 экземпляров, Модест Гофман сразу же отправил О. Ф. Купрович. С 1958 г. этот экземпляр вместе с двумя неопубликованными письмами Гофмана, которые были адресованы владельцу автографа, хранится в Рукописном отделе Пушкинского Дома.³ По поручению О. Ф. Купрович, которая тогда жила в Хельсинки, их привезла в Ленинград некая госпожа Н. Башмакова и через Общество «Интурист» передала в Пушкинский Дом. Информация об

¹ Гофман М. Л. 1) Новый автограф Пушкина. Евгений Онегин. Париж, 1937. С. 7; 2) Новый автограф Пушкина // А. С. Пушкин и его эпоха: Специальный номер журнала «La Russie Illustrée». (Париж). 1937. С. 30.

² Гофман М. Л. Новый автограф Пушкина. Евгений Онегин. С. 7; выделено автором.

³ См.: РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 10, № 47.

этом поступлении, которое пополнило собрание «копий с автографов Пушкина, находящихся за границей», впервые появилась в 1971 г. — в обзоре тогдашнего хранителя Пушкинского рукописного фонда Р. Е. Терехиной. О самом документе, «ныне» (то есть в конце 1960-х гг.) находящемся в собрании С. М. Лифаря в Париже, она сообщала следующее: «Автограф был впервые литографически воспроизведен еще в 1838 г. в VIII томе “посмертного” издания сочинений Пушкина (после с. 324, экземпляра такой литографии имеется в Пушкинском фонде, см.: Рукописи Пушкина, поступившие в Пушкинский дом после 1937 года. Краткое описание. Приложение № 14⁴), но об этом было забыто. Автограф не был учтен в VI томе (1937 г.) академического издания сочинений Пушкина (варианты его напечатаны лишь в Справочном томе, 1959, стр. 47), М. Л. Гофман писал о нем как о ранее неизвестном. Это обстоятельство, а также плохое качество репродукции и неполное описание подлинника (теперь у него оторван верхний левый угол) в публикации М. Л. Гофмана, факт его заочной покупки (что выясняется по письмам М. Л. Гофмана к О. Ф. Купрович) внушают сомнение: автограф ли это? Впрочем, В. Н. Глазберг (Париж),⁵ тоже приславший в Пушкинский дом упомянутую брошюру⁶ и, возможно, видевший

---

⁴ Этот экземпляр воспроизведен в кн.: Онегинская энциклопедия: В 2 т. / Под общ. ред. Н. И. Михайловой. М., 1999. Т. 1: А—К. С. 283.

⁵ Валентин Наумович Глазберг (1900 или 1901—1986) — общественный деятель, масон, историк византийского искусства, библиофил. В 1920 г. через Финляндию эмигрировал в Англию, где получил высшее образование. С 1933 г. работал в парижской юридической конторе своего отца, затем консультантом во Французской нефтяной компании (CFP). Коллекционировал прижизненные издания Пушкина (подробнее о нем см.: Российское зарубежье во Франции. 1919—2000: Биографический словарь: В 3 т. / Под общ. ред. Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской. М., 2008. Т. 1. С. 371—372).

Его отец Наум Борисович Глазберг (1874—1963) — адвокат, масон, крупный промышленник, петербургский домовладелец, председатель правления типографии Р. Р. Голике и А. И. Вильборга, с 1916 г. — владелец петербургского издательства «Северные цветы». В конце 1919 г. (или в начале 1920 г.) эмигрировал через Финляндию в Англию; в 1928 г. переехал в Париж, где открыл две юридические конторы (подробнее о нем см.: Там же. С. 372). С осени 1918 г. по апрель 1920 г. Н. Б. Глазберг состоял в Пушкинском Доме хранителем рукописей «по вольному найму»; в частности, в сентябре 1918 г. он ездил в Одессу и Крым «для поиска историко-культурных материалов» (служба в Академии наук давала тогда право на ученый продовольственный паек I категории и освобождала от воинской повинности). В апреле 1920 г. место хранителя рукописей, оставленное Н. Б. Глазбергом, занял М. Л. Гофман (см.: *Иванова Т. Г. Рукописный отдел Пушкинского Дома: Исторический очерк.* СПб., 2006. С. 50, 51, 52, 58, 96).

⁶ Экземпляр брошюры М. Гофмана, присланный В. Н. Глазбергом, к сожалению, обнаружить не удалось.

автограф, полагает, что сомнения в его подлинности неосновательны». ⁷ В этом содержательном, несмотря на краткость, сообщении не отмечена одна существенная деталь. В упомянутом Р. Е. Тербениной «Приложении» к «Описанию» пушкинских автографов, выполненном О. С. Соловьевой в начале 1960-х гг., в осторожной форме все-таки было зафиксировано сомнение составителя о месте хранения подлинника XXXVI и XXXVII строф шестой главы «Евгения Онегина», с которого в 1838 г. была сделана литографированная копия: «Автограф (?) в собр. С. Лифаря в Париже». ⁸ Безусловно, О. С. Соловьевой, как и Р. Е. Тербениной, были хорошо известны документы, присланные в 1958 г. из Хельсинки. Их содержание действительно могло вызвать небезосновательное подозрение относительно подлинности документа, хранившегося в самой известной парижской коллекции русских книг и рукописей. Но почему же тогда О. С. Соловьева — хранитель пушкинских рукописей в 1956—1964 гг., один из лучших знатоков Пушкинского фонда и экспертов в области пушкинской текстологии и палеографии — не решилась использовать обычную в подобных случаях формулировку: «Местонахождение автографа неизвестно»? Вероятно, этого ей не позволяли по меньшей мере два обстоятельства: невозможность проверить вызывающий недоверие документ *de visu* — во-первых, и уверенность самого владельца в подлинности рукописи — во-вторых. С Сергеем Лифарем О. С. Соловьева встречалась в числе других коллег-пушкинистов в 1961 г. — во время посещения им Пушкинского Дома и передачи в его пушкинское собрание «пашпорта», по которому Пушкин в начале мая 1820 г. выехал из Петербурга на юг России и с которого начинался хронологический отсчет его ссылки. ⁹

Возникает и другой вопрос: почему Р. Е. Тербенина, не акцентируя внимания на сомнениях своей предшественницы и в то же время высказав собственные, сообщение об одном из новых поступлений 1958 г. все же предпочла закончить вполне оптимистично — ссылкой на мнение В. Н. Глазберга о том, что сомнения в подлинности автографа в собрании С. Лифаря «неосновательны».

---

⁷ Тербенина Р. Е. Новые поступления в Пушкинский фонд Рукописного отдела Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР за 1958—1968 гг. // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1969 год. Л., 1971. С. 116—117.

⁸ Рукописи Пушкина, поступившие в Пушкинский Дом после 1937 года: Краткое описание / Сост. О. С. Соловьева. М.; Л., 1964. С. 87 (Приложение № 14).

⁹ См.: РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 3, № 148.

Возможно ли сейчас, несколько десятилетий спустя, по-прежнему не располагая самим документом, разобраться в том, что же было в распоряжении С. М. Лифаря — подлинная пушкинская рукопись двух «онегинских» строф или ее литографированное факсимиле 1838 г.?

Обратимся сначала к письмам М. Л. Гофмана, которые О. Ф. Купрович передала в Пушкинский Дом в сентябре 1958 г. Первое из них датировано 10 апреля 1937 г.:

Милостивая государыня, госпожа Купрович,
С. М. Лифарь передал мне Ваше письмо,¹⁰ которое, конечно, не могло меня не заинтересовать. Из приложенного Вами списка — прекрасно произведенной транскрипции двух строф шестой главы «Евгения Онегина» — нетрудно видеть, что Вы обладаете подлинным автографом Пушкина (вещь очень редкая: из 20 предлагаемых «автографов» 19 оказываются плохими копиями — списками). Ваш автограф представляет не «известную», а очень большую ценность — тем более приходится жалеть, что Вы не прислали его на нашу выставку, на которой он был бы одним из самых ценных экспонатов (в числе других 15 автографов Пушкина¹¹). Научная ценность

¹⁰ Это письмо неизвестно.

¹¹ На парижской юбилейной выставке «Пушкин и его эпоха», которая проходила в большом фойе зала Плейель с 16 марта по 18 апреля 1937 г., было представлено 13 пушкинских автографов, принадлежавших самому устройтелю выставки: десять писем поэта к невесте, письма к Н. И. Гончаровой (от 26 июня 1831 г.) и барону Е. Ф. Розену (от октября — первой половины ноября 1831 г.), а также цензурная рукопись «Предисловия» к «Путешествию в Арзрум во время похода 1829 года». Кроме того, из парижского музея А. Мицкевича Лифарь получил для выставки подлинники двух писем Пушкина — к Марии Шимановской (от июля—августа 1828 г. или конца января — февраля 1829 г.) и С. С. Хлюстину (от 25 мая 1835 г.) (см.: *Гофман М. Л.* Пушкин и его эпоха. Юбилейная выставка в Париже // *А. С. Пушкин и его эпоха: Специальный номер журнала «La Russie Illustrée»*. С. 121—122, 125). В действительности, на выставке был еще один пушкинский автограф из собрания Дягилева—Лифаря — дарительная надпись О. М. Сомову на экземпляре пятой главы «Евгения Онегина», но она ошибочно была приписана руке Л. С. Пушкина («Заметим по пути, что на первых изданиях Пушкина очень распространены надписи его брата, рассылавшего книги друзьям и знакомым», — писал по этому поводу М. Гофман (Там же. С. 120); о дальнейшей судьбе этого раритетного экземпляра см.: *Зильберштейн И. С.* Парижские находки: Эпоха Пушкина. М., 1993. С. 25, 32). При этом, не вызвав никаких сомнений организаторов, в качестве пушкинского подлинника демонстрировался на выставке, был описан и воспроизведен в путеводителе псевдопушкинский рисунок, известный как «Полицейский с метлой и дворник с лопатой» (из собрания А. А. Попова) (подробно о нем см.: *Краснобородько Т. И.* «Третий лицейский рисунок»: Пушкин или псевдо-Пушкин? // *Пушкин и другие: Сб. статей к 60-летию профессора Сергея Александровича Фомичева*. Новгород, 1997. С. 120—126).

его бесспорна и очень велика, и мне очень хотелось бы его приобрести. Удастся ли? Я боюсь, что Вы его слишком высоко цените, как *материальную* ценность; я согласен, что оценка его в 500 довоенных рублей *ниже* его научной ценности (конечно же, всякая материальная оценка нематериальных ценностей всегда несправедлива и несоразмерно низка), но условия *рынка* совсем другие: до войны мы, Пушкинский Дом (я состоял ученым хранителем Пушкинского Дома и, в частности, заведывающим рукописным отделением его), платили по 100 рублей за лист рукописей Пушкина,¹² а с тех пор цена на *нематериальные* ценности упала до такой степени (это касается и рукописей больших людей и картин больших мастеров), что, напр<имер> покойный С. П. Дягилев мог за 10 000 франков приобрести 11 подлинных неизданных писем Пушкина,¹³ а С. М. Лифарь заплатил 3000 фр<анков> за 10 страниц «Предисловия» Пушкина к «Путешествию в Арзрум».¹⁴ Не думай-

---

¹² В делопроизводственном архиве Пушкинского Дома сохранились документы, подтверждающие точность слов Гофмана. Так, например, в 1918 г. у Б. П. Брюллова за 125 руб. был приобретен черновой автограф письма Пушкина к д'Аршиаку (1 лист), а в 1919 г. у него же — автограф стихотворения «Альфонс садится на коня...» за 400 руб. (4 листа) (см.: СПФ АРАН, ф. 150, оп. 1 (1921), № 1, л. 13, 17).

¹³ Речь идет о десяти письмах Пушкина к Н. Н. Гончаровой и одном письме к Н. И. Гончаровой, которые С. П. Дягилев купил на рубеже 1928—1929 гг. у вел. кн. Михаила Михайловича. Видимо, Гофман называет здесь точную цену этой сделки. Несколько десятилетий спустя С. Лифарь писал, что «эти бесценные русские сокровища» достались Дягилеву за 50 000 франков (*Лифарь С. Моя зарубежная Пушкиниана: Пушкинские выставки и издания. Париж, 1966. С. 29*). В последнем интервью, данном Лифарем 6 сентября 1986 г., за три месяца до смерти, названа та же сумма, но, правда, с уточняющей поправкой: «Я сейчас не помню эту сумму... Ну, скажем, на сегодняшние деньги — 50 тысяч французских франков» (50 лет назад... / Беседа Е. Г. Эткина (Париж) и Р. Кембалла (Лозанна) с С. М. Лифарем // *Revue des études slaves. Paris, 1987. Т. 59, fascicule 1—2. P. 12*). Через год после смерти Дягилева (он скоропостижно скончался в августе 1929 г.) С. Лифарь выкупил эти письма и положил тем самым начало собственной пушкинской коллекции. В конце 1988 г. Министерство культуры СССР приобрело их у вдовы балетмейстера, и с 1989 г. они сохраняются в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (ф. 244, оп. 1, № 1760—1770).

¹⁴ В своей книге и многочисленных интервью Лифарь говорил о том, что нашел эту пушкинскую рукопись «совершенно случайно <...> у одного книгопродавца на левом берегу Сены, на улице Бонапарта», но ни разу не называл ее стоимость (*Лифарь С. Моя зарубежная Пушкиниана. С. 31*). В 1956 г. во время открытия выставки советской книги в Сорбонне С. Лифарь через заместителя министра культуры СССР А. М. Назарова и советского посла во Франции С. А. Виноградова передал цензурную рукопись «Предисловия» к «Путешествию в Арзрум во время похода 1829 года» в дар Пушкинскому Дому (современный шифр: ф. 244, оп. 1, № 1029).

те, пожалуйста, что я хочу обесценить действительно по-настоящему ценный Ваш автограф, — я хотел бы только, чтобы Вы приняли во внимание сложившуюся (справедливо или несправедливо — это другой вопрос) обстановку и сообщили мне, за какую сумму Вы согласны были бы мне уступить Вашу драгоценность. Повторяю: я очень хотел бы приобрести Ваш автограф, ибо считаю его очень интересным и научно-ценным, но, само собою разумеется, принужден буду от этого отказаться, если Ваша оценка превысит мои более чем скромные возможности (этим я отличаюсь от богатых людей, приобретающих реликвии Пушкина: они приобретают дешево, п<отому> ч<то> считают, что они не стоят большего, я не могу дорого платить, п<отому> ч<то> не могу, не имею физической возможности платить много, хоть и знаю, что современная рыночная цена несправедливо низка). Во всяком случае просил бы Вас дать мне приоритет — и согласно Вашему письму к С. М. Лифарю, и по той причине, что Ваш драгоценный автограф будет находиться в руках, умеющих его ценить.

Примите, милостивая государыня, уверение в моем совершенном уважении к Вам.

Мод<ест> Гофман.¹⁵

Как видим, сначала О. Ф. Купрович прислала С. М. Лифарю не сам автограф, а только его рукописную копию — транскрипцию, выполненную, очевидно, ею самой. Казалось бы, у Модеста Гофмана — опытного пушкиниста, в прошлом ученого хранителя и заведующего Рукописным отделением Пушкинского Дома,¹⁶ неизменного сотрудника Сергея Лифаря в подготовке всех его пушкинских изданий и одного из главных помощников в организации юбилейной выставки 1937 г. — не было решительно никаких оснований для столь поспешного категоричного утверждения, что его выборгская корреспондентка владеет «драгоценностью». Удивляет и то, что, не видя оригинала документа, он тем не менее назвал его «подлинным автографом Пушкина» — «очень интересным и научно-ценным».

¹⁵ РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 10, № 47, л. 11—11 об.

¹⁶ Подробно о службе М. Л. Гофмана в Пушкинском Доме и его командировке в Париж по делам Пушкинского музея А. Ф. Онегина, из которой он не вернулся в Россию, см.: Письма М. Л. Гофмана к Б. Л. Модзалевскому. Часть I (1904—1921) / Публ. Т. И. Краснобородько, при участии В. Р. Гофмана // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2000 год. СПб., 2004. С. 180—238; Письма М. Л. Гофмана к Б. Л. Модзалевскому. Часть II (1922—1926) / Публ. Т. И. Краснобородько // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005—2006 годы. СПб., 2009. С. 797—943.

В небольшом по объему тексте этого сверхэмоционального письма только восторженное «очень» возникает шесть раз!

Объясняет причины такого возбужденного состояния Гофмана и его немедленной готовности приобрести автограф, даже «заглазно», второе письмо. Оно послано 6 мая 1937 г., сразу же после получения из Выборга долгожданной посылки, и столь же насыщено эмоциями, как и предыдущее:

Многоуважаемая госпожа Купрович (к большому моему сожалению, принужден так обращаться к Вам, п<отому> ч<то> не знаю Вашего имени и отчества),

только вчера, наконец, получил Вашу посылку, а ждал ее давно, с очень большим нетерпением и беспокойством, и только что решил, что книга пропала, как пришла повестка с gare du Nord. Очень жалел, что Вы послали автограф в книге, ибо 1) Вы лишились книги, которая, очевидно, Вам ценна, а у меня есть это издание, 2) из-за того, что Вы послали не почтой, посылка так бесконечно долго шла, на вокзале наложили очень большую пошлину, а если бы нашли в книге автограф, то заставили бы еще платить 750 франков штрафа (50-тикратная стоимость письма). Но... все хорошо, что хорошо кончается, — и большое Вам спасибо за автограф, получение которого от Вас я считаю наполовину покупкой, наполовину подарком.

Посылаю Вам наши последние издания: каталог (собственно, не совсем каталог) нашей выставки¹⁷ и «Евгения Онегина».¹⁸ Когда Вы прочтете мою сноску в «Евг<ении> Онегине» на 288 стр<а-нице>, то поймете, почему для меня особенно драгоценен Ваш автограф, подтверждающий справедливость моего предположения («признак», а не «призрак»). Надеюсь через 2 недели послать крохотную книжечку — «Новый автограф Пушкина»... Буду Вам очень признателен, если Вы мне сообщите сведения об автографе — давно ли и каким образом он попал к Вам.

Отвечаю Вам на Ваш вопрос (не отвечал до сих пор, п<отому> ч<то> каждый день ждал от Вас получения посылки): я преподавал в гимназии Э. П. Шаффе с 1910 до 1917 года (имел даже несчастье жениться на своей ученице — по младости своих лет был влюблен во весь класс, пришлось выбирать одну из 30 и, по-види-

---

¹⁷ Речь идет о французском путеводителе по выставке: Centenaire de Pouchkine. 1837–1937. Exposition «Pouchkine et son époque». Paris, [1937].

¹⁸ Имеется в виду изд.: Евгений Онегин, роман в стихах: Сочинение Александра Пушкина / С коммент. М. Л. Гофмана, С. М. Лифаря и Г. Л. Лозинского; Под ред. М. Л. Гофмана. Юбилейное издание. Париж, 1937.

тому, сделал не очень удачный выбор),¹⁹ с некоторыми ученицами и до сих пор поддерживаю отношения.

Еще раз большое спасибо.

Примите от меня уверение в совершенно искреннем чувстве преданности (несмотря на то, что я никогда в жизни Вас не видел, Вы внушили мне его своим письмом).

Уважающий Вас

Мод<ест> Гофман.²⁰

Итак, «“признак”, а не “призрак”»... Вот ключевое слово, которое лишило Модеста Гофмана хладнокровия, столь необходимого эксперту. Речь идет о 13-м стихе XXXVI строфы шестой главы. В отдельном ее издании (1828 г.) он был напечатан как «Вы, признак жизни неземной». В прижизненных полных изданиях «Евгения Онегина» (1833 г. и 1837 г.) вместо «признака» появился «призрак». Все последующие издания, начиная с «посмертного» собрания сочинений (1838 г.) и до современных научных, сохранили именно это чтение. По последнему прижизненному изданию печатал текст «Евгения Онегина» и М. Л. Гофман — в 1919 г. в России²¹ и в 1937 г. в Париже. В комментариях к последнему (с. 288) указание на вариант первой публикации 1828 г. он снабдил следующим примечанием, на которое и обратил внимание своей корреспондентки: «В этом разночтении мы, может быть, имеем не опечатку, а единственное верное чтение (и в таком случае издания 1833 и 1837 гг. допустили опечатку): так и в “Разговоре книгопродавца с поэтом” Пушкин называет вдохновение не призраком, а “признаком Бога” (“и, признак Бога, вдохновенье, для них и чуждо, и смешно”)). Именно в это время, волею непостижимого случая, из Выборга прислали рукопись, «подтверждающую справедливость» предположения Гофмана. «Теперь, благодаря обнаруженному новому автографу, — писал он, — мы имеем фактические данные для такого утверждения и можем настаивать на исправлении основного текста шестой главы, на восстановлении *Пушкинского* текста — пушкинской мысли».²² Для М. Л. Гофмана лист с автографом двух строч

¹⁹ М. Л. Гофман преподавал литературу в петербургской гимназии Э. П. Шаффе в 1910–1914 гг. В июне 1914 г. он женился на своей ученице О. Н. Никольской (во 2-м браке — Пуниной; 1895–1984).

²⁰ РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 10, № 47, л. 12–12 об.

²¹ См.: Пушкин А. С. Евгений Онегин, роман в стихах. Пб., 1919 (на обл.: 1920; сер. «Народная библиотека»).

²² Гофман М. Л. Новый автограф Пушкина. «Евгений Онегин». С. 14; выделено автором.

шестой главы оказался, как он писал, «неожиданной новинкой». То обстоятельство, что факсимиле именно этого автографа сопровождало восьмой том «посмертного» собрания сочинений Пушкина, каким-то необъяснимым образом прошло мимо внимания Гофмана, хотя в свое время он специально занимался рукописными источниками «Евгения Онегина». Еще в 1922 г., до своего отъезда в Париж, в академическом издании «Пушкин и его современники» Гофман напечатал большую работу «Пропущенные строфы “Евгения Онегина”» вместе с «Приложением», в котором дал поглавный свод всех рукописей пушкинского «романа в стихах». В перечне пропущенных стрóf шестой главы он указал три стрóфы (XV, XVI и XXXVIII), которые дошли до нас только в копии В. Ф. Одоевского, а в «Приложении» — черновые автографы тех трех стрóf (XLIII—XLV), что сохранились в одной из рабочих тетрадей Пушкина.²³ Факсимиле XXXVI и XXXVII стрóf из «посмертного» издания в этой работе Гофмана не учтено. Справедливости ради нужно сказать, что интересующее нас факсимиле оказалось пропущенным (и это отметила в своем «Обзоре» Р. Е. Терехина) и в списке источников шестой главы «онегинского» тома академического издания Полного собрания сочинений Пушкина, увидевшего свет в том же, что и брошюра Гофмана, 1937 г.²⁴

Досадное, казалось бы, упущение предопределило дальнейшее бытование «выборгского автографа». В мае 1937 г., как и обещал Модест Гофман О. Ф. Купрович — теперь уже бывшей владелице документа, увидела свет его брошюра о новом автографе шестой главы. «Гофман был необычайно трудоспособен и работал с необычайной быстротой, — вспоминала поэтесса и мемуаристка Антонина Горская (А. А. Гривцова), близкий собеседник пушкиниста в последние годы его жизни, — так, иногда для написания статьи ему нужно было ровно столько времени, сколько требовалось для самого процесса писания. Эта быстрота, может быть, и была его “уязвимой

---

²³ Гофман М. Л. Пропущенные строфы «Евгения Онегина» // Пушкин и его современники. Пб., 1922. Вып. 33—35. С. 148—152, 338—339.

²⁴ Рукопись тома была сдана в набор 29 декабря 1936 г., подписана к печати — 15 февраля 1937 г. Указание на факсимиле из «посмертного» издания и варианты этой «рукописи, не дошедшей до нас в подлиннике», появились в Справочном томе «большого» академического издания (XVII, 47; при этом различение «признак» / «призрак» в утраченной рукописи и полных изданиях «Евгения Онегина» не отмечено). Брошюра и статья эмигранта-пушкиниста М. Л. Гофмана о «новом автографе Пушкина» также остались в Справочном томе без упоминания (отмечу, что одним из контрольных рецензентов этого тома был Н. В. Измайлов).

пятой»». ²⁵ В случае с «выборгским автографом» эта «уязвимость» была еще усилена и азартом открытия. «Трудно переоценить эту драгоценную находку — подобные находки вообще большая редкость, всегда неожиданная радость, всегда неожиданный, незаслуженный праздник», ²⁶ — взволнованно восклицал в своей работе Модест Гофман.

Во втором своем письме к О. Ф. Купрович он просил рассказать о происхождении автографа. Возможно, она не ответила на его вопрос или Гофман поторопился напечатать работу, не дождавшись ответа. Но тот же вопрос был задан О. Ф. Купрович двадцать лет спустя — в благодарственном письме за присылку брошюры и двух писем Гофмана, подписанном директором Пушкинского Дома А. С. Бушным и заведующим Рукописным отделом Н. В. Измайловым. ²⁷ Ответное письмо из Хельсинки, датированное 25 декабря 1958 г., было написано Н. Башмаковой: «Сама О<льга> Ф<едоровна>, к великому ея сожалению, не смогла написать Вам письма, т<ак> к<ак> чувствует себя плохо, трясутся руки, ея возраст — 80 лет. О. Ф. Купрович очень рада, что внесла хоть крохотный дар в отдел Пушкинского дома в Ленинграде. В тридцатых годах О<льга> Ф<едоровна> жила в г. Выборге. И там получила в собственность от одних знакомых русские книги, им ненужные. Книги были свалены на чердаке без всякого присмотра и ухода. Когда и кем они были туда положены и кому принадлежали — сказать никто не мог. Вот в одной из книг этих и был найден драгоценный лист с автографом А. С. Пушкина. Помяная, что драгоценность эта не должна принадлежать отдельной личности, О<льга> Ф<едоровна> и послала его в Пушкинский музей в Paris, единственно о котором в то время знала. Теперь бы она сделала иначе. Ей не давала покоя мысль отправить хоть “брошюру” в законные руки». ²⁸

Итак, документ, полученный устроителями Пушкинской выставки в Париже в апреле 1937 г., был найден случайно в одной из русских книг, беспорядочно сваленных на чердаке какого-то дома в Выборге и неизвестно кому принадлежащих. Как представляется сегодня, подобная информация должна была бы стать для О. С. Соловьевой и Р. Е. Терехиной аргументом в пользу факсимиле, которое, скорее всего, выпало из поврежденного переплета восьмого

---

²⁵ Горская А. Памяти Модеста Людвиговича Гофмана // Центральный Пушкинский комитет в Париже. М., 2000. Т. 1. С. 460.

²⁶ Гофман М. А. Новый автограф Пушкина. Евгений Онегин. С. 7.

²⁷ См.: РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 10, № 47, л. 14 (письмо датировано 18 октября 1958 г.).

²⁸ Там же, л. 15.

тома «посмертного» издания пушкинских сочинений. Аргументом весомым, но все-таки недостаточным, чтобы решительно исключить вероятность того, что О. Ф. Купрович посчастливилось обнаружить подлинный автограф поэта.

Сергей Лифарь, новый владелец «онегинских строф», абсолютно доверял Модесту Гофману, с которым в свое время познакомился у С. П. Дягилева. «Я испытывал к М. Л. Гофману и уважение и доверие и был благодарен ему, когда он согласился редактировать мои издания и литературные труды, посвященные Пушкину, — писал он о своем сотруднике и единственном эксперте на протяжении двадцати лет. — <...> После праздника издания “Писем”²⁹ были другие праздники. Праздником для меня был выпуск в 1937 г. юбилейного издания “Евгения Онегина” с моей статьей: Герои “Евгения Онегина” <...>. Затем опубликование двух неизвестных строф шестой главы “Евгения Онегина” с фототипическим воспроизведением и комментариями проф<ессора> М. Л. Гофмана».³⁰ Наряду с другими автографами поэта, в разное время ставшими собственностью Лифаря, «выборгский» стал неотъемлемой частью его широко известной коллекции пушкинских раритетов. Весной 1958 г. Сергей Лифарь предполагал приехать на гастроли в Москву вместе с балетом Парижской оперы и в ожидании поездки «составил список тех предметов и документов, которые решил взять с собой и передать на вечное хранение в Пушкинский Дом или один из московских музеев». Первой в этом списке стояла «рукопись двух строф шестой главы “Евгения Онегина”».³¹ Великому танцовщику и балетмейстеру отказали тогда в советской визе, и о своем несостоявшемся даре он рассказал в статье «Что я хотел привезти в Россию», напечатанной в «Русской мысли» 12 августа 1958 г.

Ровно через полтора месяца после этой публикации Н. Башмакова по поручению О. Ф. Купрович привезла в Ленинград для передачи в Пушкинский Дом брошюру М. Гофмана и два его письма 1937 г., которые, по-видимому, вызвали у Н. В. Измайлова и О. С. Соловьевой определенные сомнения в подлинности автографа «онегинских строф» в собрании С. Лифаря. Однако оригинал документа, хранившегося в Париже, оставался недоступным, и в распоряжении пушкинистов по-прежнему были только два его воспроизведения в парижских изданиях 1937 г. и очень неполное

²⁹ Имеется в виду изд.: Гофман М. Л., Лифарь С. Письма Пушкина к Н. Н. Гончаровой: Юбилейное издание. 1837–1937. [Париж, 1936].

³⁰ Лифарь С. Моя зарубежная Пушкиниана. С. 33, 46.

³¹ Лифарь С. Что я хотел привезти в Россию // Русская мысль (Париж). 1958. 12 авг.; ср.: Лифарь С. Моя зарубежная Пушкиниана. С. 162–165.

палеографическое описание (Гофман ничего не писал, например, о чернилах и пере). Сообщенных Гофманом сведений о том, что автограф находится «на плохо сохранившейся (с пятнами и местами надорванной и разорванной) восьмушке обыкновенной, без водяных знаков и плохого качества бумаге (восьмушка эта имеет формат 20,5 × 13,5 см), по-видимому вырванной из тетради»,³² было явно недостаточно для положительного решения вопроса о подлинности рукописи «онегинских строф» в собрании С. Лифаря. Поэтому, как представляется, О. С. Соловьева и поставила знак вопроса у слова «автограф» в уже упоминавшемся «Приложении» к «Описанию» рукописей Пушкина. Просмотр целого ряда факсимиле из восьмого тома «посмертного» издания (в том числе и необрезанного экземпляра Цензурного комитета), предпринятый в процессе написания настоящей статьи, показал, что все характеристики «выборгского автографа», которые использовал Гофман, в равной степени могут быть применены и для описания этих факсимиле, особенно тех, что отстали от переплета. Они отличаются разной степенью сохранности и размером по вертикали, который колеблется в интервале 21,4–25,2 см (такой широкий диапазон объясняется разной степенью обрезки книжного блока при переплетании книг); при этом размер по горизонтали у всех факсимиле практически одинаков и совпадает с «выборгским автографом» (13,5–13,7 см).

Итак, и в 1960-е гг. «выборгский автограф» продолжал оставаться одной из жемчужин в парижской коллекции С. Лифаря, хотя о нем по-прежнему можно было сказать, что «кроме двух человек его никто не видел».³³ Лифарь говорил об этом автографе

³² Гофман М. А. Новый автограф Пушкина. Евгений Онегин. С. 8.

³³ «Он единственный из всех русских собирателей в Париже ничего мне не показал из своей коллекции, — писал И. С. Зильберштейн еще при жизни Сергея Лифаря. — Потому только, что это было сопряжено с большими трудностями, так как дома, повторяю, он ничего не хранил. <...> Благодаря счастливым обстоятельствам я в какой-то степени знаю состав этой замечательной коллекции не хуже самого владельца и могу поэтому рассказать о ней, используя также дополнительные сведения, которые он мне любезно сообщил» (*Зильберштейн И. С. Парижские находки: Эпоха Пушкина. М., 1993. С. 137; впервые: Зильберштейн И. С. Парижские находки: Лучшая зарубежная коллекция реликвий русской культуры // Огонек. 1970. № 5. С. 16*). О том же свидетельствуют Андрей и Владимир Гофманы (внуки пушкиниста) в беседе с М. Б. Мейлахом в 2005 г.: «У него никогда не было постоянного дома, он кочевал по гостиницам, последние годы жил в квартире одного театрального критика. А его редчайшая коллекция хранилась в сундуках... Он человек непрактичный, всегда сосредоточенный на танце и на себе — на своей славе...» (*Мейлах М. Эвтерпа, ты?: Художественные заметки. Беседы с артистами русской эмиграции. М., 2008. Т. 1: Балет. С. 385, 386*).

в интервью, которое дал корреспонденту «Литературной газеты» в 1961 г., уже после посещения Пушкинского Дома в Ленинграде,³⁴ и писал в книге «Моя зарубежная Пушкиниана: Пушкинские выставки и издания» (1966), которая в определенном смысле подвела итог его собирательской деятельности.

В 1975 г. С. М. Лифарь принял решение продать на аукционе «Sotheby» большую часть своего книжного собрания, в основе которого лежала русско-славянская библиотека, собранная С. П. Дягилевым. Торги проходили в Монте-Карло с 28 ноября по 1 декабря 1975 г. Превосходно изданный аукционный каталог включал 826 номеров (кроме книг XVI—XIX вв., на торги выставлялись 59 музыкальных партитур и автографов композиторов). Книжная «Пушкиниана» — от прижизненных изданий поэта до изданий 1920-х гг. — насчитывала 45 лотов. Открывал этот раздел автограф XXXVI и XXXVII строф шестой главы «Евгения Онегина» (лот № 579)³⁵ — единственной из принадлежавших тогда С. Лифарю пушкинских рукописей, с которой он решил расстаться. Ее описание в точности повторяло характеристику автографа из брошюры М. Л. Гофмана. К лоту № 579 прилагались также сама брошюра Гофмана «Новый автограф Пушкина. Евгений Онегин», которая, как следует из описания, подтверждала «ценность этой недавно обнаруженной рукописи»,³⁶ и юбилейное парижское издание «романа в стихах» 1937 г. Стартовые цены в каталоге обозначены не были.

На аукционе присутствовал И. С. Зильберштейн. О поездке в Монте-Карло он рассказывал полтора месяца спустя в просторном интервью корреспонденту «Литературной газеты».³⁷ Состоявшуюся распродажу библиотеки Дягилева—Лифаря, на которую прибыли представители библиотек Европы и Америки, антиквары и частные коллекционеры, И. С. Зильберштейн назвал «аукционом века» — «именно века: более богатого в истории книжных аукционов русских книг в этом столетии не было». На средства, отпущенные Министерством культуры СССР, ему удалось приобрести тогда семь книжных раритетов для Государственной библиотеки СССР

³⁴ См.: *Мар Н.* «Подорожная» Александра Пушкина // Литературная газета. 1961. № 75 (4354). 24 июня. С. 2.

³⁵ См.: *The Diaghilev-Lifar Library: Catalogue.* Sotheby Parke Bernet Monaco S. A. London, 1975. P. 152.

³⁶ «With this lot are sold Gofman (M. L.) Novy avtograf Pushkina [A new Pushkin Autograph. Evgeny Onegin] <...> which establishes the importance of this newly discovered manuscript...» (Там же).

³⁷ См.: *Мар Н.* Книжный аукцион в Монте-Карло: Рассказывает доктор искусствоведения И. С. Зильберштейн // Литературная газета. 1976. № 6 (4552), 11 февр. С. 6.

им. В. И. Ленина. К ним к концу торгов присоединились два издания, которые Сергей Лифарь «снял с аукциона и передал их в дар Родине», и еще одно издание XVIII в., также для главной библиотеки СССР, — от барона Э. А. Фальц-Фейна (это был один из 50 выкупленных им лотов). О пушкинском автографе двух «онегинских строф» в этом интервью не было сказано ни слова! Причины подобного умолчания непонятны. Автограф не был продан.³⁸ Возникает вопрос: состоялись ли вообще торги по лоту № 579? Об этом можно только гадать. Логичнее всего предположить, что С. Лифарь так и не смог расстаться с одним из раритетов своей «зарубежной Пушкинианы» и снял его с аукциона (либо, и этого тоже нельзя исключить, накануне аукциона, когда участникам торгов предоставляется возможность ознакомиться с лотами *de visu*, кто-нибудь мог обратить его внимание на то, что это не рукопись, а печатное факсимиле). В любом случае «выборгский автограф» остался в коллекции знаменитого танцовщика и балетмейстера.³⁹ О его дальнейшей судьбе, к сожалению, ничего не известно. Отдельные раритеты из собрания С. Лифаря (как, например, автографы М. Ю. Лермонтова) уже после его смерти выставлялись на известных аукционах, но рукопись двух строф шестой главы «Евгения Онегина» не появлялась на них ни разу.

Вопрос о подлинности «выборгского автографа» снова остался бы без ответа, если бы в каталоге аукциона в Монте-Карло не была

---

³⁸ У М. В. Бокариус, ведущего научного сотрудника Всероссийского музея А. С. Пушкина, хранится копия таблицы с результатами аукциона в Монте-Карло, которую она получила от известного букиниста и антиквара А. Я. Рабиновича. В ней зафиксированы проданные лоты с ценой ухода и указанием новых владельцев (частных лиц и учреждений). 103 лота (в том числе и № 579) в этом списке отсутствуют — как отозванные или непроданные («In this sale the above lots were sold at the prices stated. Lot numbers which are omitted represent items which were withdrawn, passed, or unsold»). Пользуясь случаем, приношу Марине Витальевне свою сердечную благодарность за возможность ознакомиться как с этим документом, так и с экземпляром каталога аукциона в Монте-Карло, подаренном ей И. С. Зильберштейном. В книге, между прочим, сохранилась бумажная закладка Ильи Самойловича на странице с описанием лота № 579, но сам он ничего не рассказывал М. В. Бокариус об этом лоте и его судьбе.

³⁹ В одном из своих последних интервью журналу «Огонек» в 1987 г. И. С. Зильберштейн на вопрос Вл. Вельяшева, что бы увидел посетитель в «пушкинском зале С. М. Лифаря в Музее личных коллекций», назвал в числе других пушкинских подлинников, принадлежавших покойному танцовщику и хореографу (письма к Н. Н. и Н. И. Гончаровым, А. И. Беклешовой), и автограф двух строф «Евгения Онегина», в подлинности которого Зильберштейн, видимо, не сомневался (см.: *Зильберштейн И. С. Парижские находки: Эпоха Пушкина. С. 148, 138–139*).

помещена иллюстрация к лоту № 579 — воспроизведение первой страницы рукописи со строфой XXXVI, в размер оригинала, очень хорошего качества. Публикация почему-то прошла мимо внимания пушкинистов, хотя именно это воспроизведение «выборгского автографа», третье по счету, позволяет утверждать, что в распоряжении О. Ф. Купрович оказался литографированный лист пушкинской рукописи из восьмого тома «посмертного» собрания сочинений. Судя по факсимиле в аукционном каталоге, документ очень обветшал в процессе своего автономного существования и приобрел те внешние признаки «мнимой подлинности», которые способны обмануть даже искушенный глаз: края листа в подтеках, заламах, разрывах, утрачены фрагменты бумаги, в том числе левый угол (поврежден текст первых двух стихов с каждой стороны). К слову сказать, многочисленные факсимиле пушкинских автографов из дореволюционных изданий, равно как и списки XIX в. с именем Пушкина, остаются до нынешнего времени наиболее распространенным источником любительских открытий «неизвестных» автографов поэта. Как показывает опыт, подобные «находки» обычно являются результатом вполне добросовестного заблуждения владельцев, простодушно подозревающих в ветхих литографированных или фототипических листах пушкинский подлинник.

Вернемся, однако, к иллюстрации в аукционном каталоге 1975 г. Первое, что бросается в глаза и отличает ее от воспроизведений в «Иллюстрированной России» и в брошюре 1937 г., — это широкие поля, которые, подобно паспарту, обрамляют пушкинский текст: размер верхнего и нижнего — около 4 см, правого — до 1,5 см (в большем измерении). Это характерная особенность печатных факсимильных листов.⁴⁰ Таких избыточных полей мы не встретим в рукописях Пушкина — беловых или перебеленных. Достаточно сравнить иллюстрацию к лоту № 579 с сохранившимися самодельными тетрадочками в малую 8°, куда поэт переписывал набело отдельные главы своего «романа в стихах» (каждая строфа занимала в них одну страницу). Таких рукописей в нашем распоряжении шесть. В них переписаны с черновиков первая, вторая, третья, четвертая и пятая (они сшиты вместе), восьмая главы. Размеры этих рукописных книжечек колеблются от 9,5 до 12,5 см (по горизонтали) и от 15,6 до 18 см (по вертикали). Очевидно, что в 1838 г. для изготовления литографии был использован лист с XXXVI и XXXVII

---

⁴⁰ В воспроизведениях 1937 г. «размыты» контуры самого листа, и поэтому они не дают точного представления о размере полей, окружающих пушкинский текст.

строфами шестой главы «Евгения Онегина» из подобной пушкинской тетрадоочки, хотя сама она и не дошла до нас.

Далее. Иллюстрация из аукционного каталога содержит еще одну «улику», выдающую факсимильную природу «выборгского автографа». В первом стихе XXXVI строфы: «Друзья мои, Вам жаль поэта?» — последнее слово написано с переносом («по-эта?»). И в экземпляре Лифаря, и в экземплярах факсимиле из восьмого тома правое поле в этом месте одинаково и составляет около 1,5 см — его было бы достаточно для написания слова без переноса, если бы речь шла о подлинной рукописи. При этом М. Л. Гофман воспроизвел перенос в своей транскрипции,⁴¹ но, к сожалению, не задержал внимания на этой выразительной графической подробности. Его также не насторожило еще одно, видимое глазом, противоречие: характерное «сжатое» написание окончаний слов в конце строк (например, 6-й, 7-й, 8-й, 12-й и 13-й), когда перо явно «упирается» в некую «границу» и словно «закругляет» строку — с одной стороны, и при этом подозрительно широкое правое поле — с другой. Подобный «конфликт» невозможен и неестествен в подлинной рукописи Пушкина.

Таким образом, М. Л. Гофман, уверовавший в подлинность документа по транскрипции О. Ф. Купрович и оказавшийся заложником своего первоначального заблуждения, сам того не подозревая, в 1937 г. републиковал как пушкинский оригинал один из 13 000 факсимильных листов,⁴² которые были напечатаны в 1838 г. для восьмого тома «посмертного» собрания сочинений.⁴³

⁴¹ См.: Гофман М. Л. Новый автограф Пушкина. Евгений Онегин. С. 8.

⁴² В счете Экспедиции заготовления государственных бумаг от 26 ноября 1838 г. за напечатание томов 6–8 «посмертного» собрания сочинений отдельной строкой значилось: «За отлитографирование рукописи А. С. Пушкина в 13 т. экз. по 5-ть копеек — 650 р.»; за «веленевую для напечатания рукописей 7 стоп — 112 р.» (Летописи Государственного литературного музея. М., 1939. Кн. 5: Архив Опеки Пушкина / Ред. и коммент. П. С. Попова. С. 224, 225, 226).

⁴³ Близкая история (правда, не получившая такого широкого резонанса) произошла с еще одним, также ранним, факсимиле письма Пушкина к Н. А. Полевому от 1 января 1831 г. (местонахождение его оригинала в настоящее время также неизвестно). Текст письма, в виде литографированного приложения, впервые появился в журнале «Русский вестник» (1842. № 2), издававшемся Н. И. Гречем. Вторично, как новинка пушкинского текста, письмо было напечатано (с неточностями) генерал-лейтенантом, историком, генеалогом гр. Г. А. Милорадовичем в «Новом времени» (1898. № 7847, 1 янв. С. 6) — без указания на источник, с пометой: «Сообщил граф Милорадович» (такая помета, как правило, свидетельствовала о том, что оригинал документа находится в распоряжении публикатора). Именно так эта информация была трактована составителями академиче-

Между тем «забытое» факсимиле — само по себе, за пределами истории с «выборгским автографом», заслуживает отдельного сюжета. Как известно, план и состав восьмого тома «посмертного» собрания сочинений сформировал В. А. Жуковский.⁴⁴ Этот том завершал в 1838 г. два больших издательских предприятия в пользу семьи Пушкина, инициированных Жуковским сразу же после смерти поэта. В течение 1837 г. вышло четыре тома журнала «Современник», начатого Пушкиным в последний год своей жизни, — с пятого по восьмой (издатели не случайно продолжили нумерацию 1836 г.). В свою очередь, естественным продолжением «посмертного» «Современника» стало полное собрание сочинений поэта, первые три тома которого подписчики получили уже в феврале 1838 г.⁴⁵ В «Объявлении» о выходе этих томов, распространенном Опекой над детьми и имуществом Пушкина 26 февраля 1838 г., в частности, сообщалось: «Выдача остальных последует около Майя сего

ской «Переписки» Пушкина» (под редакцией В. И. Саитова) в примечании к письму в наборной рукописи 2-го тома: «Подлинник у гр. Г. А. Милорадовича» (РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 7, № 47, л. 1) и в позднейшем комментарии Б. Л. Модзалевского: «Как новинка, было опубликовано гр. Г. А. Милорадовичем по снимку, принятому за подлинник» (*Пушкин А. С. Письма / Под ред. и с примеч. Л. Б. Модзалевского. [Л.,] 1935. Т. 3. С. 121, XIV*).

Дальнейшее «домашнее» бытование факсимиле из «Русского вестника» 1842 г. также типично для «снимков почерка» поэта, относящихся к XIX — началу XX в. Так, например, один из его экземпляров, ныне хранящихся в РО ИРЛИ (ф. 244, оп. 1, Прилож. № 38), был обнаружен сотрудником Ленинградского отделения Центрархива и принят им за подлинник, судя по записям на старых архивных обложке и конверте: «Письмо Александра Сергеевича Пушкина. Январь 1831 г. к Н. А. Полевому. Напечатано между прочим в «Переписке А. С. Пушкина», изданной Академией Наук под редакцией Саитова, т. II, стр. 206); «Найдено 14 /II 1925 г. среди архивных документов, находившихся в полном беспорядке, большинство которых оказались материалами Дурново вотчинного характера».

В качестве подлинника факсимиле письма к Н. А. Полевому объявилось и в начале 1950-х гг., о чем свидетельствует запись Т. Г. Цявловской на полях источноковедческой справки к этому письму (№ 553) в 14-м томе академического издания Пушкина из ее личной библиотеки (этот экземпляр в настоящее время хранится в РО ИРЛИ): «[Подлинник принадлежит какой-то московской артистке. Смотрела в Литературном музее 12/I 1951, куда приносил Всеволод Григорьевич Данилевский.] Это — тронутое пером факсимиле» (XIV, 341).

⁴⁴ См.: *Летописи Государственного литературного музея. Кн. 5. С. 217, 221–222* (письма Н. И. Тарасенко-Отрешкова к Я. Я. Рейхелю от 22 июля и 16 ноября 1838 г. и П. А. Плетнева к Я. Я. Рейхелю от 14 ноября 1838 г.).

⁴⁵ По первоначальному плану оно должно было состоять из шести томов, разросшихся в итоге до восьми; в 1841 г. были подготовлены еще три дополнительных тома, куда вошли неизвестные пушкинские сочинения, извлеченные из архива поэта.

1838 года и <...> при последнем томе приложен будет портрет Пушкина, биографические о нем известия и снимки его почерка». ⁴⁶ 3 мая 1838 г. Жуковский отправился в длительное заграничное путешествие с наследником престола вел. кн. Александром Николаевичем, оставив Опеке «записку к распределению пиес для VIII тома». ⁴⁷ В связи с этим 31 мая Н. И. Тарасенко-Отрешков, член Опеки, учрежденной над детьми и имуществом поэта, писал управляющему типографией при Экспедиции заготовления государственных бумаг Я. Я. Рейхелю: «Известно вам, что опекунство обязалось выдать при последнем томе снимки почерка А. С. Пушкина. — Вследствие чего опекунство поручило мне просить Вас, милостивый государь, принять на себя труд, приказав сделать на упомянутый предмет снимок с почерка Пушкина с прилагаемой у сего рукописи XXXVI и XXXVII строфы вполне, возвратив оригинал по миновании надобности». ⁴⁸ Из приведенного текста не вполне ясно, что именно было приложено к письму — полная беловая рукопись шестой главы «Евгения Онегина» (в настоящее время ее местонахождение неизвестно) или только вырезанный из нее лист с двумя строфами — XXXVI и XXXVII. ⁴⁹ Выбор для «факсимилирования» этих строф шестой главы «Евгения Онегина» был сделан Жуковским не случайно и, как представляется, соотносился с его обоими издательскими замыслами 1837—1838 гг. в память Пушкина.

⁴⁶ Летописи Государственного литературного музея. Кн. 5. С. 202.

⁴⁷ Там же. С. 222.

⁴⁸ Там же. С. 213.

⁴⁹ В факсимиле номера строф отсутствуют. Гофман видел в этом едва ли не главный аргумент в пользу чернового характера «выборгского автографа»: «Решающим обстоятельством является отсутствие в нашей рукописи нумерации строф: нумерация строф всегда, без всяких исключений, отсутствует в черновиках „Евгения Онегина“ и точно так же всегда, без всяких исключений, проставляется в беловых рукописях романа» (Гофман М. Л. Новый автограф Пушкина. Евгений Онегин. С. 11). И тем не менее у нас есть определенные основания предположить, что в подлиннике белового с последующей правкой автографа строфы XXXVI и XXXVII все же имели соответствующие номера, но в процессе литографирования римские цифры могли быть намеренно «редуцированы» (вряд ли бы Тарасенко-Отрешков указывал их в письме к Я. Я. Рейхелю, если бы они отсутствовали в автографе; кроме того, это может еще служить и косвенным доказательством того, что управляющему типографией была послана полная рукопись шестой главы, из которой нужно было воспроизвести только лист с названными строфами). В этой связи обратим внимание на то, что в 1837 г. оригинал стихотворения «Отцы пустынные и жены непорочны...» был литографирован для пятого тома «Современника» также с «поправкой» — на его факсимиле отсутствует цифра «9», которая была проставлена жандармским писарем посреди страницы во время «посмертного досмотра» архива поэта. Вероятнее всего, решение убрать жандармскую помету принадлежало В. А. Жуковскому.

Пятый том «посмертного» «Современника», значительную часть которого составляли неопубликованные сочинения самого Пушкина и подготовленные им материалы других авторов, открывали статья Жуковского «Последние минуты Пушкина», составленная в форме письма к отцу поэта, и вклеенное перед ней факсимиле стихотворения «Отцы пустынноики и жены непорочны...». Оно стало первым воспроизведением пушкинской рукописи. Выбор Жуковского можно назвать безупречным. На читателя должно было воздействовать все: и само стихотворение, которому Жуковский дал собственное название «Молитва», и эстетическая завершенность пушкинского автографа с рисунком, изображающим монаха в келье. Выбор «издателей» был отмечен критикой,⁵⁰ а кроме того, получил Высочайшее одобрение — еще до публикации. «Государь желает, чтобы эта молитва была так факсимилирована, как есть, и с рисунком. Это хорошо будет для 1-й книжки Современника. Но не потерять этого листка; он должен быть отдан Императрице»,⁵¹ — писал Жуковский В. Ф. Одоевскому, в архиве которого и сохранился этот автограф.

Проникновенной «увертюре», сочиненной В. А. Жуковским для первой книги «Современника» (факсимиле «Отцов пустынноиков...» — письмо отцу поэта «Последние минуты Пушкина»), соответствовала также безупречно выстроенная им скорбная и торжественная «кода» в восьмом (по первоначальному плану, заключительном) томе «посмертного» собрания сочинений Пушкина. Его завершали два последних письма Пушкина к А. О. Ишимовой от 25 и 27 января 1837 г.,⁵² снова было напечатано письмо Жуковско-

⁵⁰ «Прекрасно поступили издатели “Современника”, — писал С. П. Шевырев в «Перечне наблюдателя», — передав нам в верном fac-simile самые черты руки поэта, которая водила по этим строкам, в коих так поэтически излилось чувство покаяния» (цит. по: Пушкин в прижизненной критике. 1834–1837 / Под общ. ред. Е. О. Ларионовой. СПб., 2008. С. 241, 242).

⁵¹ Подлинник записки хранится в Черниговском историческом музее; опубл. в кн.: Труды Черниговской губернской архивной комиссии. 1899–1900. Чернигов, [б. г.]. Вып. 2. Отд. I. С. 18; ср.: О. Б. [Білецький О. І.] Записка В. А. Жуковського про вірш Пушкіна // О. С. Пушкін: Статті та матеріали / За ред. акад. П. Г. Тичини і проф. О. І. Білецького. Київ, 1938. С. 237). Для наст. статьи текст записки В. А. Жуковского уточнен по фотокопии с оригинала, переданной в РО ИРЛИ Н. Я. Эйдельманом (ф. 244, оп. 19, № 126).

⁵² Эти письма впервые были напечатаны в заключительном, восьмом томе «посмертного» «Современника» (подробно об этом см.: Летописи Государственного литературного музея. Кн. 5. С. 213–214, 215–216, 221–222, 234–235). Судя по письму П. А. Плетнева к М. Ю. Вильегорскому от 15 июня 1838 г., факсимиле письма от 27 января предполагалось «присоединить к последнему тому сочинений» (Там же. С. 215).

го «Последние минуты Пушкина», за которым следовало факсимиле двух строф из шестой, «дуэльной», главы «Евгения Онегина» с обращенным к читателям вопросом: «Друзья мои, вам жаль поэта?». Роль этого, второго по счету, факсимиле пушкинской рукописи оказалась намного важнее, чем просто «снимок с почерка» поэта, обещанный подписчикам (тем более что с формальной точки зрения подобная «иллюстрация» была бы более уместна в первом томе собрания сочинений, который открывался пушкинским «романом в стихах»). По воле В. А. Жуковского это факсимиле стало самоценным финалом двух «посмертных» изданий, выполнив одновременно роль пушкинской автоэпитафии и эпитафии.

Судьба же подлинной рукописи, с которой факсимиле было исполнено, остается неизвестной. В отличие от автографа «Отцов пустынников...», сохраненного В. Ф. Одоевским, оригинал XXXVI и XXXVII строф шестой главы «Евгения Онегина» не дошел до нас. Был ли он «по миновании надобности» возвращен управляющим типографией Н. И. Тарасенко-Отрешкову, сказать невозможно. Во всяком случае, среди присвоенных Отрешковым пушкинских рукописей, которые он в 1855 г. передал в Императорскую Публичную библиотеку, автографов шестой главы «Евгения Онегина» не было.⁵³ В то же время известно, что А. О. Ишимова в течение нескольких месяцев безрезультатно добивалась от Отрешкова возвращения оригинала адресованного ей пушкинского письма, пока в конце марта 1839 г. не обратилась непосредственно к председателю Опекы графу Г. А. Строганову: «...По выходе VIII-го тома сочинений Александра Сергеевича,⁵⁴ я увидела, что письмо мое, напечатанное в этом томе, уже не нужно более для Опекы, и с того времени несколько раз обращалась с просьбою о возвращении его к Г-ну Атрешкову, но до сих пор не получила не только письма, но даже и ответа, из которого я могла бы узнать, что оно существует еще в опеке. Ваше сиятельство! я ценю слишком высоко это письмо, чтобы мне возможно было оставаться спокойною в этой неизвестности, и потому беру смелость покорнейше просить Вас о возвращении мне листочка, почитаемого мною величайшею драгоценностию моею. Я уверена, что ваше сиятельство, как просвещенный ценитель незабвенного поэта нашего, оправдаете беспокойство мое, и не откажетесь употребить влияние Ваше на тех, от кого зависит

---

⁵³ См.: Андерсон В. Н. И. Тарасенко-Отрешков и автографы А. С. Пушкина // Русский библиофил. 1913. № 6. С. 21–27; Цявловский М. А. Статьи о Пушкине. М., 1962. С. 311–313.

⁵⁴ Восьмой том вышел в декабре 1838 г.

возвращение мне драгоценной собственности моей». ⁵⁵ Благодаря этому обращению А. О. Ишимова получила пушкинский подлинник. В. А. Жуковский же до конца июня 1839 г. был в заграничном путешествии с наследником престола, и востребовать лист из рукописи шестой главы «Евгения Онегина» было некому. При описании его факсимиле должна быть использована принятая в подобных случаях обнадеживающая формулировка: «Местонахождение автографа в настоящее время неизвестно».

Т. И. Краснобородько

---

⁵⁵ Летописи Государственного литературного музея. Кн. 5. С. 234–235.